

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Жанна ПОЯРКОВА

ОТСТУПНИК

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛФА-КНИГА

Annotation

В лагере еретиков лучшее развлечение – нарушение правил. Безбожники и бандиты совершают запретные чудеса и строят воздушный флот. Лагерь – пристанище налетчиков, колдунов и блудниц. Инквизитор Дрейк должен оказаться в самом пекле, чтобы понять, что в битве между дикими отступниками и Армадой выбор не так очевиден, как кажется издали.

Жанна Пояркова

Отступник

© Пояркова Ж. М., 2017

© Иллюстрации, Беспалова Е. Л., 2017

© Художественное оформление, «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2017

* * *

Посвящается Нгоо

Спасибо Елене Бычковой, Алексею Пехову, Наталье Турчаниновой за беседы, Hellstern – за талант и вдохновение и Ксану – за «Ворона и перекресток».

Автор

Прежде всего не полагайтесь на незыблемость правил.

Брюс Ли

Ибо сам человек совершает зло и сам оскверняет себя. Не совершает зла он тоже сам и сам очищает себя. Чистота и скверна связаны с самим собой. Одному другого не очистить. В небе нет пути, нет отшельника вне нас. Люди находят радость в иллюзиях, татхагаты лишены иллюзий.

Будда

Глава 1

Лагерь

Я оказался в мертвом городе потому, что Кари Годар собирала всякий сброд. Ей было совершенно все равно, кого набирать в свою армию, а мне было плевать, куда отправляться и что делать. Многие серьезные дела начинаются именно так – от отчаяния или скуки.

Слухи об армии еретиков под руководством блудницы и ее миньонов докатились даже до столицы, где я прозябал в унынии и бессмысленности, просаживая остатки монет в кабаках. Бог больше ничего не говорил мне, так что я не знал, насколько ей можно верить, руки молчали. На вид же Кари оказалась отчаянной, грубой и хитрой женщиной, коротко остриженной и одетой в мужскую одежду, что всех оскорбляло, включая и меня самого. У нее были дирижабли, динамит и стволы, также у нее хватало денег, которых мне начало сильно не хватать. Я искал наказания, божьей кары, жаждал расплаты, но, что бы я ни совершал, пустота оставалась пустотой. Подававший надежды инквизитор в армии тех, кого предали анафеме, – ниже опуститься невозможно. Мне казалось, что мы похожи: Кари ходила и думала, как полководец, но не могла избавиться от женской оболочки, а я уже стал ничем, но все еще носил черную шинель воинства Бога-отца, порядком теперь истрепанную. Может, я присоединился еще и поэтому. Меня начали привлекать люди в процессе метаморфозы.

Странно, как человеческие существа меняют этические предпочтения под давлением обстоятельств собственной жизни. Стоит потерять ногу, как начинаешь присматриваться к безногим. Еще немного – и я буду останавливать каждого безбожника, духовного калеку, спрашивая, что они чувствуют, потому что хочется расспросить самого себя.

Кари не была безногой, но редкие оставшиеся добропорядочные люди Сеаны также отводили взгляд, когда встречали ее с подручными на улицах. Ее не впустили бы ни в один приличный дом, но Кари не страдала, своими руками сотворив пародию на высший свет: сборище бунтарей, дезертиров и разбойников, изгнанных театралов, подозрительных изобретателей, стареющих стрелков, уволенных игроков и нервных налетчиков. Впрочем, добродетельных семей в Сеане не осталось – они либо прокляли все и уехали в Радир, подальше от смуты, либо присоединились к еретикам, соблазнившись ярким блеском вольнодумства Кари Годар. Полумеры в Сеане не в ходу. И, должен признаться, спустя час после встречи я тоже горячо ненавидел ее – Кари взяла меня, пустого, ищущего потерянное человека, на место своего инквизитора.

– Я больше не чувствую правду. – Исповедь давалась трудно. – Не смогу понять, когда лгут. Я уже не инквизитор.

– Значит, придется научиться полагаться не на высшие силы, а на самого себя. На остроту человеческого ума, – передал ее мысли Каин да Коста, рослый черноволосый бугай.

Сама Кари не удостоила меня взглядом, сидя в пародирующем трон старом кресле и наблюдая бесцветными глазами за тем, как шумит лагерь. Что бы ни было у этой женщины на уме, это поглощало ее полностью.

Я – священник, потерявший веру. Избитый, никчемный персонаж. Как при потере ключей – ни за что не удается вспомнить, когда именно это произошло. Казалось, еще недавно каждый шаг был весом, а мир держался на миллионе невидимых струн, но все

незаметно обесценилось. Мир без Бога очень одинок, в нем гораздо проще чертить маршруты. Отпадать, отворачиваться, бросать вызов – казалось, что так я узнаю о Боге больше. Что лжецы, цепляющиеся за ритуалы и обманывающие пустыми лицами, – мои враги. Но в какой-то момент я просто забыл, что вражду в шутку, шуточные доказательства стали настоящими. Я начал сомневаться, не были ли мои былые прозрения иллюзорны. В детстве я не мог понять, как люди отрекаются от своих трудных открытий, но стоило допустить возможность, что Бог никогда не говорил со мной, как жизнь начала представляться замечательно простой.

Люди говорят, что Бог их покинул. Но на самом деле это мы его покидаем, это я ушел. Сворачивая с дороги, чтобы испытать свою крепость, я забыл, как возвращаться. В погоне за опытом потерял невинность, которая позволяла обнаружить путь снова. Каждый раз я уходил все дальше и дальше, пока не исчез в бесконечном лесу. В мире Бога все обратимо, все можно исправить, мертвого можно воскресить, оступившегося – простить. В мирских же городах царит окончательность. Пустота. Необратимость.

Грубость окружения подавляла. Я не понимал, как да Косте и Лютеру удается удерживать лагерь в повиновении, почему Кари не растерзали и не выкинули в канаву, как она того заслуживает. Однако ее предложение сулило и статус, и деньги, пусть и ненадолго, так что я согласился. Даже в самовольном изгнании я не был готов устремиться дальше по карте. Без инквизиторов не бывает суда, ведь только они точно знают, солгал ли подсудимый или свидетель, но я ослеп. Еретики просили, чтобы я устанавливал правду, говоря с Богом, в которого больше не верил и которого не слышал. Или так они собирались еще сильнее раздражить Армаду, насмехаясь над титулами духовенства и пародируя обряды? Что ж, я не видел смысла отказывать.

– А ты ведь думал, что можешь прикарманить Бога? Что он только твой, а? Ха-ха-ха! – засмеялся пьяный. – И теперь его слышат все, все, кроме тебя!

Он бредил, но лихорадочный смех пронимал. Лагерь был велик, страшен, находившиеся в нем люди – темны лицом. Они смотрели в небо и ждали, когда то взорвется и запахнет порохом; они спали, пили и задыхались от страсти прямо на краю затянутого туманом города мертвых, куда, по преданию шуай, трупы уходили, чтобы обрести покой. Но, в отличие от разбойников, воевавших лихо и весело, желающих трофеев и простой, понятной победы, здесь собрались люди, которых я до конца не мог понять. На пути сюда я встречал

безбожников, видел подлецов, делил хлеб с теми, кто не может заглянуть за границы простой крестьянской жизни, видел разочарованных, потерявшихся, как и я сам.

Но армия Кари была другой. Они называли себя кхола, «людьми ясности», и хотели абсолютного неповиновения, холодной свободы без творца и без рая. Ими двигала гордость, неведомая мне одержимость. Я хотел занять этой одержимости, ража, совершить богохульство, втайне надеясь, что это привлечет внимание Бога, но никак не мог научиться.

– Тебе выделили шатер, инквизитор. – Ко мне подошел рыжий молодой бандит. – На самом краю обрыва, отличный вид.

Я молча кивнул, и мы пошли между кострами. Сбоку весело пела женщина, волосы переливались в отблесках пламени, а сидящие полукругом неторопливо отбивали ритм ладонями.

– Трудновато тебе придется, а, инквизитор? Я слышал, такие, как ты, с детства учатся по церковным книгам, сплошные церковники рядом. Церковник за отца, церковник за мать, церковники в друзьях, повсюду святые образа – тут поневоле начнешь отбивать поклоны. Кари говорит...

Мне не хотелось ничего слушать, но рыжий продолжал. Речь вплеталась в рисунок, выложенный заревом костров, во вскрики спящих или обрывки разговоров. Что-то из сказанного я знал и сам, но из уст плохо образованного бродяги это звучало оскорбительно. Многолетнее обучение в боевом аббатстве и впрямь давало о себе знать. Что-то из его слов казалось страшной, неприглядной ересью, которую нужно затоптать и уничтожить, пока и другие люди с такими же простыми лицами не начали это повторять. Но я сдерживался, нарушая прежние запреты. Странно, что раны никак не заживали.

– Вот, инквизитор. – Рыжий довел меня почти до того места, где холм разрывала жесткая вертикальная линия; внизу расстился невидимый город шуай. – Располагайся. Скоро начнешь вершить суд. Завтра к нам посол приедет, наверняка горазд приврать.

Когда я шел в войско бунтовщиков, то ожидал презрения, насмешек, злобы. Но, как ни странно, к изрядно истрепанной одежде дознавателя в войске Кари отнеслись уважительно. Люди здесь не соотносили способности инквизиторов с верой. Многие не раз видели, как инквизиторы с ходу отличают самую изощренную ложь от истины, и местные не ставили мне в вину несправедливые приговоры, вынесенные церковными судьями. «Определять правду – дело инквизитора, выносить приговор во благо церкви и Бога-отца – дело судьи», – любил говорить Робер Кре, но на деле судьи часто руководствовались не благом кого бы то ни было, а собственным кошельком или указаниями пастырей. Люди из войска Кари жалели, что полезное орудие побывало в плохих руках. Но теперь я, орудие, попал в нужное место, поэтому рыжий был доволен и, уходя, даже оставил кувшин вина.

Город мертвых был тих, я видел только глубокую черноту под ногами. Небо, сбрызнутое мелкими, колкими звездами, казалось бархатным, далекая темнота развалин – скорее холодной. Забравшись в шатер, я обнаружил там спальный мешок из твердой ткани и шкур, револьвер, мешочек с порохом, пули, нож и новую одежду. Оружие не раз использовалось, так что кто-то или умер, или одолжил мне его.

Отхлебывая резкое вино, я смотрел вдаль и собирал воедино то, что узнал о еретичке. Кари выступила в поход несколько лет назад, начав с небольшой группы заскучавших младших сыновей знати и духовенства Сеаны, которым по законам страны не светило ни наследства, ни славы. Родиться последним означало подчиняться старшему брату и обладать только тем, чем тот благодушно тебя наделил. Такой порядок вещей был освящен Богом и

церковью, но Кари удалось довести недовольство до той стадии, когда разгневанные несправедливостью младшие сыновья становятся бунтовщиками. Сначала они приходили к ней, чтобы предаться запрещенному возмущению в кругу таких же, как они, и разогреться вином, затем – за развлечениями, потом – потому что сами придали Кари сил и не могли оставаться в стороне. Трубадуры насаждали легкомыслие и веселье.

Репутация Кари и без того не блистала чистотой, потому что бросать вызов порядкам церкви вошло у нее в привычку довольно рано. Ее отец находился в разъездах, а мать умерла, поэтому никто не мог приструнить странную девушку. После неожиданной гибели отца, весьма успешного промышленника и дворянина, она получила всю его собственность. Главным ее приобретением стали шахты по добыче серебряной и железной руды, которые желал получить каждый в городе. Ситуацию усугубляло то, что Кари отказывалась выйти замуж или нанять управляющего, как это следовало сделать по традиции, и начала заниматься управлением самостоятельно.

Мэр Сеаны не собирался терпеть такой беспорядок и отправил по вооруженному отряду к каждой из ее шахт, чтобы вернуть казне города то, в чем та определенно нуждалась. Из благородных побуждений мэр был готов выделить Кари содержание до замужества. Так мне рассказал у костра мужчина в заплатанных штанах, хотя выразался он попроще, а на слове «содержание» сплюнул комок слюны вперемешку с табаком.

Однако Кари предвидела такое развитие событий и заключила договор с младшими сыновьями знатных родов города, которые вскоре стали завсегдатаями в ее доме, сразу же после смерти отца. Лютер, да Коста, Мартир, Гермá – перед этими фамилиями склонялись, но сейчас они стали символом ереси. Кари отдала их младшим представителям половину имущества взамен на защиту, и это было выгодное предложение, потому что в случае захвата шахт мэром эти мужчины так и остались бы нищими слугами своих высокопоставленных отцов и братьев. Теперь же они превратились в собственников, способных оплатить личную охрану.

Отряды мэра были уничтожены, и он не смог сказать ни слова, потому что надеялся на слабость женщины, а получил в ответ самодовольство владельцев. Мэр сделал вид, что ничего не произошло, но четверку наглецов раздосадованный епископ да Коста отлучил от церкви за противостояние властям, назначенным самим Богом. В ответ на отлучение, задуманное как временное, его сын взял себе новое имя – Каин.

– Ты кое о чем забыл рассказать, – перебила бандита яркая шлюха в длинной юбке, к которой пристала солома. – О том, что Каина да Косту раньше катали на деревянной коляске, потому что он был болезненным и не мог стоять. А Доминик Герма кашлял кровью, и все ждали, когда он умрет.

– Не влезай, Шэнни.

Женщина замолчала, но продолжала нагло нас разглядывать.

– Да, младший сын да Косты родился больным, – согласился бандит. – Про Раймонда Мартира говорили, что у него с женщинами был полный швах, хе-хе... А теперь он постоянно с какой-нибудь бабой, все они по нему сохнут.

– И Лютер... – не выдержала Шэнни.

– Лютер был очень умен, все за книгами сидел, но рано стал слепнуть. От этих книг у кого угодно глаза вытекут! В двадцать три уже ослеп на один глаз, а потом его по городу водил слуга.

Я видел Тео Лютера издалека. Для слепого он слишком резво бегал возле дирижаблей,

да и вряд ли незрячему доверили бы работу с легковоспламеняющимся газом. Найти правду внутри орды Кари оказалось еще сложнее, чем я предполагал. Люди начали окутывать предводительницу еретиков нелепыми легендами.

– И что же случилось? – скептически спросил я.

– Кари их исцелила.

Три слова выпорхнули изо рта Шэнни легко, как бабочки.

– Она сделала их снова целенькими.

По спине пробежали мурашки. Я встал и отошел от костра в сгущающуюся тьму. Лагерь бормотал в затылок, после пламени чернота ночи казалась непроницаемой, но постепенно глаза привыкали.

Эту историю я слышал в разных вариантах – из уст мрачного продавца пороха, от разбитых жонглеров, которые раскручивали горящие круги ради потехи, от бывшего крестьянина, от раскаявшегося мародера, примкнувшего к войску Кари, от надменного дворянина, ненавидящего церковников, и даже от дочери кузнеца. Каждый рассказывал историю по-своему, добавлял детали, забывал что-то или приукрашивал, но финал был одинаковым. В их понимании Кари по каким-то причинам обладала возможностью исправлять ошибки, допущенные Богом.

Так или иначе, получив союзников, она продолжала делать все, чтобы вызвать возмущение, зависть и ненависть городской знати и церкви. Кари стала собирать опальных механиков и изобретателей, чьи идеи показались церкви слишком смелыми, и построила свои дирижабли, что было строжайше запрещено. Механиков взял под крыло Тео Лютер, увлеченный науками, и вскоре ему было чем защитить беглецов. Годар повысила цены на железную руду из своих шахт, чем вызвала огромное недовольство мэра, и освободила каторжников, которые, по старому обычаю, трудились там за миску тухлых клубней. Не было людей более преданных, если не считать тех, что прогнили до основания и растеряли последние представления о благодарности. Эти бежали и еще долго оставляли трупы невинных и виноватых в окрестностях Сеаны. Стоит ли говорить, что бывшие каторжники ненавидели суд церкви, отправивший их на каторжные работы, точно так же, как и механики Тео Лютера?

Тогда я и услышал о Кари Годар впервые. Церковь никогда не дает усомниться в собственном авторитете, ведь когда Бог молчит, авторитет – это все, что у нее есть, поэтому вскоре в Сеану должен был прибыть крупный отряд братьев веры. Должен был... но выстрелы с борта дирижабля, заставшие рыцарей в пути, не позволили этому визиту состояться.

С этого момента стало понятно, что Кари либо обезумела, либо одержима, потому что бросать вызов церкви и ее Армаде мог только сумасшедший. Мэр Сеаны собрал доступных ему воинов, однако по неизвестной причине те повернулись против него. Каин да Коста спалил особняк отца и смотрел на то, как епископ спешно бежит, оставив позади прежнее богатство. Все благочестивые граждане покинули Сеану. Те же, которые не побоялись жить в новом городе, принадлежащем Кари, не боялись и Бога. Они не боялись ничего.

А вот я – боялся. Я ворочался на жесткой соломе, прокручивая в голове варианты того, как буду врать перед послом Армады и наглыми наемниками Кари, и испытывал острый страх.

Глава 2

Судьба Риона

Тристан Четвертый, прозванный в народе Терновником, смотрел на свои руки и видел, как на них расцветают кровавые перекрестья. Эта способность никогда не переставала удивлять – умение сочувствовать даже в воображении, погружаясь в чужие ощущения настолько глубоко, насколько это возможно. Горе было бесконечным, ошеломляющим. Сына Бога-отца распяли, гвозди пронзили драгоценное тело, а чернь лишь шумела и радовалась. Мало кто понял, кто умирает перед ними, и сейчас Терновник стал сыном Бога, переживая каждый удар, словно тот наносили ему. «Смог бы я поступить так же? Пойти на пытку ради спасения других?» – думал Тристан, глядя на сочащиеся кровью раны. Вряд ли. Ему не доставало решимости, а потому он негласно наказывал сам себя, размышляя о божественной жертве снова и снова.

Тристан делал это не в первый раз, доходя до умопомрачения, ужасаясь тому, насколько греховна его природа. Хотелось понять, почему Бог-отец отказался от милосердия и взялся за меч, чьи крестовины сияют с часовен по всему Лурду. Каждый день, следуя заветам пастыря Бэкера, он погружался в мысли о том, как несовершенен и лжив, моля о прощении.

Прежде случалось, что он мимолетно разделял чувства влюбленной девушки-горничной, шурясь от света чужого счастья, или нехитрые, повторяющиеся ощущения рабочих, строящих храм. Иногда Тристан неумышленно читал мысли других людей, если они подкреплялись сильными эмоциями. Но эти кустарные, ученические попытки наугад разобраться с непостижимым даром вскоре прекратились. Пастырь Бэкер не раз говорил, что способность читать чужие чувства, проникать в сокровенное – испытание, искус, с которым следует изо всех сил бороться. Тристан боролся. Но кипящие лавы ада казались королю близкими как никогда.

– Жуткое зрелище.

Дал Рион подошел незаметно. Лучи солнца распадались, проходя через мозаику, и разноцветный теплый свет делал церковь ласковым убежищем. Тем более странно было возвращаться сюда из видения, в которое Тристан погрузился. Раны на руках зарастали, как будто их и не было.

– Ты нарушил мое покаяние, Дал. Надеюсь, на то была причина.

– Причина в том, что тебя заказали.

– Ты пришел меня убить? – изумился Тристан, поднимаясь с колен.

– Если бы я согласился, то для убийства место отличное. Тихо, никакой охраны, ты безоружен, полностью погружен в... – Дал насмешливо подбирал слово, – в общение с Богом. Лучшего невозможно желать.

– Кто? – Король потер затекшую ногу и ощутил нехватку клинка.

Дал поймал его взгляд и положил ладони на рукояти прикрепленных к поясу кривых сабель, как бы усиливая ощущение перевеса. Однако король не опасался – если бы Дал Рион захотел отделить его голову от туловища и принести заказчику, то так бы и поступил.

– Не знаю, кто конкретно, но за заказ ответственна церковь. Они знали о тебе все, даже сколько раз в день ты ходишь облегчиться. – Убийца ухмыльнулся. – Чистая политика. Видно, после того, как Совет всенародно объявил тебя святым, стало сложно подписывать твоим

именем неприятные указы. Не может же святой повышать налоги, правда? Люди не поймут. Посланник просил устроить тебе мученическую кончину. – Дал убрал руки с клинков. – Как видишь, не только святость приносит пользу. Заказчики не были достаточно информированы, чтобы знать, что у тебя друзья в гильдии убийц.

Дал Рион сильно изменился с тех пор, как Тристан видел его в последний раз. И без того хищные черты лица стали резче, тело огрубело от постоянных тренировок, длинные волосы были небрежно склоты в пучок, напоминая прически язычников. Губы пролегли узкой чертой, постоянно изгибающейся в разнообразных усмешках. Одет он был функционально, но сохранил странный бандитский шик.

– Ты клеветешь на церковь, Дал.

– Я отказался, но другие возьмутся. Тебе стоит использовать святость как-то иначе, не только для того, чтобы уродовать себе руки и лоб. Я знаю, что святые многое могут, хотя пастыри запрещают делать это направо и налево. Тебе нужен учитель, а не самоистязание.

– Использовать силу напрасно запрещает Бог-отец. Пастыри – лишь проводники его слова, – поправил король, окончательно приходя в себя.

– Как пожелаешь, Терновник. Думаю, ты сможешь найти им сотни оправданий. Но тогда стоит просто подождать другого убийцу и занять место в потрепанных иконостасах. Где-то с краю, где никто не заметит. Что же так тебя изменило?

– Бог-отец, – сказал король и ощутил, как в душе разливается тепло. – Он указал мне, что я погрузился в мерзости жизни, указал выход, подарил вечную любовь.

– Не так уж я был и мерзок, – усмешка Риона казалась открытой и беззаботной, – но вечной любви, конечно, не обещал. Тут Бог-отец бьет мои карты влет.

– Уходи.

Убийца не настаивал. Такой, как сейчас, король ему неинтересен. Дал Рион помнил Тристана совсем другим – лихим, буйным, любопытным, готовым к риску и полным милосердия, сочувствия к слабым. В шестнадцать Тристан и Дал учились в знаменитой боевой школе Дирка, куда безродного пса Риона взяли благодаря исключительному таланту к фехтованию и стрельбе, а Тристана Четвертого, который впоследствии прославился как Терновник, – ради огрубления натуры и для обучения мастерству постоять за себя. Обе цели оказались с успехом достигнуты. Принц и нищий, закусив удила, сражались друг против друга, ни один не желал уступить. Дал хотел доказать себе, что лучше любой титулованной шишки, а молодой Терновник не мог проиграть простолюдину, как бы одарен тот ни был.

Они выбивались из сил, враждовали, дрались на дуэлях, связывались в тугой узел: где появлялся один, должен был быть и другой, ни одно достижение не оставалось неоспоренным. Любая победа Тристана встречала вызывающий взгляд ястребиных глаз Дала. Чем чаще Далу советовали усмирить честолюбие перед будущим королем, тем сильнее он противоречил. Чем больше духовники убеждали Тристана бросить недостойную гонку и показать мудрость перед простолюдином, тем менее мудро он поступал. Все закончилось, когда Тристан во время схватки так сильно сосредоточился на противнике, пытаясь понять его тактику и мысли, что вдруг оказался захвачен шквалом чужих чувств.

Расстояние между людьми, превращающее их в далекие острова, пропало. Разница между королем и наглым безродным псом растаяла. Они стали братьями, затем – чем-то большим. Тристан вдруг потерял границу между собой и другим человеком. Юношу всецело охватило искрящееся, насмешливое восхищение им самим, которое испытывал и отлично скрывал под маской задиры Дал Рион. Ярость, надменность, отчаянное желание победить,

кипучий азарт и невыносимый восторг, превращающий каждое движение короля в обещание завоевать желанный приз. Тристан полностью растворился в сумасшедшей лавине юношеского, грубого вожделения. Он оказался в ловушке, выпивая эти чувства, словно вино, и совершенно от них пьянея.

Конечно, Тристан проиграл ту схватку. Споткнулся, потерял равновесие. Его ослепляла и оглушала чужая глубина. Дал вызвался отвести поверженного противника к лекарям, демонстрируя благородство. Он помогал Тристану идти и одновременно насмехался над слабостью знати, оскорблял изобретательно и без устали, но молодой король слушал не слова, а его сердце. Шальной, сумасбродный, пугающий голос ворвался в мир воспитанного церковью короля, словно штормовой ветер. Каждое прикосновение сбивало с толку. Мир стал насыщенным, влекущим, опасным, и Тристан не понимал, где его чувства, а где – чувства чужака, любящего преступать границы.

Вместо лазарета противники оказались в постели, нарушая церковные законы. Наутро же король рвал волосы в ужасе от того, что совершил. Он не понимал, как такое возможно. Его поработили чужие желания. С тех пор прошло лет семь, но бесшумная походка Дала Риона, стремительно и равнодушно покидающего церковь, резала грудь короля воспоминаниями, которых он бесконечно стыдился.

Он искал ответы у церкви, но та считала способности испытанием, посланным Богом-отцом, а зачастую – меткой дьявола, которую нужно всячески отмывать. Если дар можно было использовать в войне, людей забирала Армада и делала из них святых. Остальным же предлагался лишь один путь – покаяние. Кому охота держать рядом с собой человека, который читает желания? Любой дар считался опасным, через него душой могли завладеть демоны, а этот – и подавно. Неудивительно, что короля решили убить.

Что касается покаяния, то за прошедшие годы Тристан весьма в нем преуспел, так и не сумев себя простить. Для Риона, в дальнейшем с успехом закончившего фехтовальную школу Дирка и открывшего для себя теневую сторону Лурда, секс был еще одним увлекательным развлечением, которое дарил жизнь. Убийца был вольным, безнравственным безбожником, творящим добро и зло хаотически, по желанию. Он не слишком беспокоился о наказании или репутации, его влекли запреты. Но Тристана воспитывали иначе. Он пал в своих глазах, совершил непростительный грех. Чем больше он думал о жутком проступке, тем реже приходил на тренировочную площадку с мечом в руке и тем чаще молился, пока после череды постов и ночных бдений на руках и голове короля не появились стигматы. Так Тристан Четвертый и стал для народа Терновником, полным печали святым.

Шагая по аллее, ведущей в здание Совета, король принял решение, которому было суждено изменить многое в жизни Лурда. Великодушный поступок Дала Риона, небрежно подарившего Терновнику жизнь, лишней раз доказал, как зыбко спокойствие, как легко его разбить. Уединение и покаяние не приносят результатов, это лишь побег с поля боя с грехом. Короля мучили бесчестье, попрание божьего закона и собственная бесполезность. Ему все еще нравилась бесшабашность Дала. Если бы он смог забыть свой позор, они стали бы лучшими друзьями.

Но он не мог.

– Пастырь Бэкер ждет вас, король. Слава Господу, слава Лурду!

Армада не нуждалась в короле, ведь все решения принимались Высшим Советом церкви. Однако Тристан Четвертый служил вывеской, говорящей черни, что церковь не погрязла в мирском грехе, что ее руки не перебирают золото и не держат оружие. Вывеска

отпето лгала – Армада обладала многочисленным воздушным флотом и крупной армией.

Церковная дисциплина позволяла муштровывать братьев веры, добиваясь результатов, которые для обычных рекрутов были недостижимы. Святые совершали чудеса по указанию Высшего Совета, укрепляя преданность очевидцев. Одно дело – драться за деньги или ради сохранения верности неведомой знати, другое – сражаться за всемогущего Бога-отца, который наградит тебя после смерти. Истово, до фанатизма верующие сестры и братья Армады позволили за последние сто лет значительно расширить границы Лурда за счет восточных земель, где жили узкоглазые еретики шуай. Теперь плененные безбожники трудились на Лурд в поте лица. Такое распределение труда позволяло членам Армады не отвлекаться от насущных задач.

Тристан не питал иллюзий относительно важности своего положения, но подобный расклад прежде его удовлетворял. Глухие к истинной вере должны работать, сосредоточившись на смирении. От чрезмерной свободы в людях пробуждаются грехи. Те же, кому Бог-отец дал талант сражаться, должны пресекать заблуждения и вести обманувшихся к свету истинной веры. Кому управлять, как не Совету церкви, состоящему из пастырей, инквизиторов и святых? Кто может лучше охранить от греха? Если отдать светским лицам бразды правления, они погрузят страну в хаос, разврат, безумие...

Усмешка Дала Риона снова встала перед глазами короля. Конечно, Тристан не был дураком и видел, что почти каждый из Высшего Совета греховен. Если бы он сосредоточился и погрузился в их чувства, то узнал бы гораздо больше, но покрытый стигматами король всячески избегал своего дара. Бог создал мир совершенным, человек отверг совершенство, выбрав неповиновение и гордыню. Бог отдал им своего сына, но сына погубили неверующие. Даже после этого Бог-отец долго ждал, пока люди отвернутся от зла, а затем вырвал несколько городов из земли, расколол небо и швырнул их к безбожникам. Давняя история, трактовки которой сильно различались, но одно было очевидно – только меч и вера помогут им выстоять. Терновник различал личные грешки членов Высшего Совета и те, которые они совершают во славу Бога-отца. Пятна на пастырях не пятнают церковь – так его учили с детства.

Когда Тристан отдал необходимые распоряжения и вошел в зал, обсуждали новую войну. Лорд-инквизитор Силье, командующий Армады, излучал высокомерный холод, пастырь Вик яростно ему оппонировал. Даже внешне они заметно отличались – сухой, непроницаемый Силье и обильный телом, легко краснеющий Вик, бородатый, одышливый. Пастырей было много, но пастырь Вик, хотя не сменил церковный титул из нарочитой скромности, мог приказывать любому из них.

– Акира – хороший выбор. Обычным дипломатам нечего делать в лагере еретиков, их выставят на посмешище, а головы насадят на кол. Тех сведений, которые нам предоставили, достаточно, чтобы понять, что Годар не собирается договариваться или потакать дипломатическим играм.

– Годар – лишь игрушка в руках да Косты и Лютера. Что может женщина, когда ее окружают знатные мужчины? Мне кажется, нам отводят глаза. А Акира – сам наполовину безбожник. Умно ли посылать к бунтовщикам человека такого происхождения?

– Тебе стоит отбросить предрассудки, Вик. Ею правит демон гордыни, а демон – мужчина, поверь. Дочь Годара удачно воспользовалась ресурсами, чтобы обзавестись сторонниками. И, судя по всему, она достаточно хорошо знает мужчин, чтобы ими управлять. За страсти легко уцепиться, а Акира – настоящий волк в шкуре ягненка. Ему давно пора себя

проявить. И им не жаль пожертвовать.

Лорд-инквизитор и пастырь Вик редко соглашались друг с другом.

– О чем вообще можно разговаривать с людьми, которые едва не сожгли пастыря да Косту? Само ее существование – оскорбление Бога! – продолжал горячиться Вик.

– Бога нельзя оскорбить, пастырь. А позиция на краю города мертвых связывает нам руки. Не стоит его зря тревожить. К тому же я бы предпочел получить рабочие шахты, а не развалины, которые придется восстанавливать месяцами. – Лорд-инквизитор был непоколебим.

– Годар утверждает, что никакого Бога-отца не существует и что мы должны перестать досаждать шуай, раз уж попали в их мир, – не унимался Вик. – Их мир! Как будто язычникам что-то может принадлежать! Не говоря уже о том, что Годар идет против женского естества, владея имуществом и командуя людьми.

– Понимаю ваше возмущение, – сказал лорд-инквизитор, – однако мы должны подождать.

– Многие считают, что нам стоит отложить мечи ради милосердия, – заметил молчавший до этого пастырь, одетый в черное. – Господь не только суров, но и милостив, а об этом мы позабыли.

– Многие – это кто? Вы, пастырь Морган? Мы живем в суровое время, в суровых местах, и только на огонь сердца и меч Бога-отца можем мы уповать, – возмутился Вик.

Пастырь Морган поджал губы, но возражать не стал.

Тристан каждый раз поражался идеям, приходящим в голову еретикам. Они были неистощимы на вычурные фантазии. Он попытался представить мир, в котором нет Бога, нет порядка, нет высшей цели, и просто не сумел. Если нет Бога, то все позволено, мир рухнет.

– Король Тристан! – заметил его Вик. – Пастырь Бэкер очень ждал вас для разговора.

Все остальные участники Совета, которых набиралось около десятка человек, немедленно уставились на короля. Он вежливо раскланялся и закрыл за собой дверь.

Пастырь Бэкер являлся наставником Тристана с юных лет. В нем не осталось ни капли милосердия или участия, Бэкер – выжженная земля, пес Бога-отца, мыслящий только категориями наказания. Сначала король его ненавидел, но затем начал любить, как любят розгу, выбивающую дурные мысли.

– Меня пытались прикончить, – начал он разговор с Бэкером, раздраженный приемом Совета.

– Какие неприятные новости, мой мальчик. – Пастырь даже не поднял голову от бумаг.

– Я не боюсь умереть. – Тристан начал погружаться в глубину настроений Бэкера. – Но не как собака! Моя смерть должна принести пользу церкви.

Тристан читал человека после долгого перерыва, надеясь надавить на слабости пастыря, и потому плохо формулировал. Бэкер, казалось, ничего не заметил.

– Я – король-святой, а значит, могу начать масштабную священную войну против еретиков, искоренить зло. Сделать то, что выглядело бы жадной властью у обычного правителя. Подумайте сами – разве можно запретить святому на троне взяться за язвы порока, которые расползаются по Лурду? Его непримиримость будет простительна, ведь вокруг столько зла...

Бэкер отвлекся от бумаг и посмотрел на короля. Лысый, морщинистый, коротконогий старик взвешивал «за» и «против», и ему нравилось предложение. Бэкер считал, что давно пора начать новые походы на земли шуай и устроить внутренние чистки, но не было ни

повода, ни возможности. Горячность молодого святого и впрямь можно было использовать, свалив на него все просчеты и присвоив все достижения. По крайней мере, это стоило обсудить.

– Отзовите заказ гильдии убийц, – неловко выдавил Тристан, все еще надеявшийся, что Дал Рион солгал. – Вы рано списываете меня со счетов.

– А ваш незадачливый убийца наказан? – поинтересовался пастырь, вернувшись к бумагам.

Высказанное королем обвинение будто стало еще одной его оплошностью, которую Бэкер со вздохом простил.

– Убийце... удалось сбежать.

– Плохое начало, мой мальчик. Слова – неудачные доказательства решимости. Бог-отец судит людей по их делам.

Тристан вышел из кабинета Бэкера словно в тумане. Расклад прост: его жизнь в обмен на жизнь человека, играючи превратившего его в изгоя, в чудовище. Или на жизнь единственного друга? Король не хотел умирать, не искупив свой грех, не совершив чего-то значительного.

Он отправил отряд братьев веры в трактир, где любил бывать Дал Рион, и пошел в часовню. Минуты текли очень медленно, делая ожидание невыносимым. Убийца хорош, но вряд ли ожидает подвоха, беспечность и наглость его и погубят. Никому не под силу в одиночку справиться с таким количеством воинов.

Уже спустя несколько часов Тристан спускался по лестнице в подвал, в котором исчезло немало заключенных. Золотистые волосы растрепались. Чувство вины изъязвляло его.

По приказу короля с головы пленника содрали мешок.

– Что ты делаешь? – Дал был разъярен, но тут же получил в живот от стражи. – Я же назвал тебе заказчиков, Тристан!

– Ты наемный убийца и мужеложец. Я собираюсь тебя казнить.

Больше бывший друг короля не произнес ни слова. Не раз заглядывая в лицо смерти, он прекрасно понимал, что слова не принесут эффекта, – и к лицу пристала маска бесстрашного наглеца. Рион был отважен, силен и неглуп, он обвинял Терновника презрительным взглядом, смеялся над чувством вины, которое постоянно заставляет людей наказывать за собственные проступки кого-то другого.

Но когда меч короля вонзился ему в сердце, Дал Рион умер, как и все.

Глава 3

Появление посла

Ветер разбудил меня. Шорох сухой травы, обрывки которой стремились упасть с обрыва. Хлопанье ткани. Холодный воздух шевелил волосы, обдувал грязную кожу. Утром тоска заменяла в сосудах кровь, я хотел распасться до небытия. Лучше просто сдаться и смотреть, как ползет по раздавленной траве муравей. Лежать так долго, устало и бесстрастно наблюдая за течением чужой жизни, пока не станешь растением или камнем. Я уткнулся взглядом в линии на собственной руке и потерялся в равнодушном созерцании, безмыслии. Бытие не имеет никакого значения. Я так рвался покинуть лоно Армады, а когда меня исторгли, ничего снаружи не нашел.

– Тебя ждут! – крикнул кто-то, распахивая куски ткани.

Отсутствие выбора сильно упрощает расклад. Именно поэтому я не только встал, умылся пригоршней воды и натянул черную шинель инквизитора, но и постарался привести себя в порядок, чтобы выглядеть достойно. Помятое лицо, истрепанная одежда, грязные сапоги, отсутствие украшений, которые пришлось продать, – все это подходило находящемуся рядом войску. Но я опасался, что останусь чужим, что меня разоблачат.

Много раз я участвовал в судах, ощущая раскаленными ладонями, правду или ложь излагает подсудимый. Другие считают подобные ответы тайной, но никакой загадки нет – я просто знал, вот и все. Инквизиторы не более проницательны, чем остальные, они не разбирают людей на части с помощью наблюдательности и ума. Они читают мимолетные движения лица и тела, пытка требует излишних усилий и часто дает неверный результат. Обмануть глаза можно, обмануть Бога – нет. Теперь же предстояло положиться именно на глаза и слух, которые так легко провести, потому что вера ушла, а вместе с ней и доступное немногим умение отличать ложь от истины.

Доктор Робер Кре, мой наставник, кричал, что единственная заслуга инквизиторов – способность ощущать присутствие Бога-отца. За счет этого присутствия становится возможным видеть искажение, которое вносит в мир ложь. Чем сильнее веришь, тем отчетливее виден мир, потому что Бог-отец ближе к праведным. Но мне отчего-то вспоминался отрывок из священного текста, где праведники стоят на высоком выступе и смотрят, как внизу от боли корчатся грешники. Возникало сильное желание скинуть надменных святош с горы, потому что лишь обманщики стали бы наслаждаться вечными муками других.

Кре утверждал, что вопросы, ставящие под сомнение веру, церковь и Бога-отца, лишают ощущения инквизитора остроты, размывают их, ведут к ереси и потере управления, пока способности не увянут совсем. Я задавал массу вопросов, так что, думаю, он был бы доволен, увидев меня сейчас в гуще безбожников.

Допив вчерашнее вино, я вышел наружу. Обрывки тумана стремительно утекали прочь. Кхола, люди ясности, просыпались, лагерь начинал бурлить.

– Слушай, инквизитор, ты же из столицы. Ты короля видал? – спросил разбудивший меня парень, Сорро.

– Издалека.

– Говорят, он святой?

– Святой. Бог-отец дал ему возможность чувствовать чужую боль.

– Лучше б он ему достоинство побольше дал, – посмеялся Сорро. – Бог-отец, скажешь тоже. Может, ты и его видал где-то, кроме книжек?

– Нет. Но как тогда король может творить чудеса? – попытался я сбить его с толку.

– Не знал, что чувствовать боль, – это чудо. Если бы он оживлял людей, другое дело.

– Он мог бы узнать, что у тебя в голове, если бы захотел. Все, о чем ты мечтаешь. Бог-отец дал ему возможность читать других, словно книги.

– Что же он не читает, а во дворце сидит? Сколько всего мог бы сделать такой умный король, а он лишь разбивает лоб в молитвах. Кари тоже может читать людей. Она говорит – многие могут, если будут стараться, просто никто особенно и не старается. Это как с любым ремеслом – у кого-то выходит, у кого-то нет. Часть случая, часть происхождения, часть усердия. Для чего-то нужно тратить годы, а у кого-то выйдет и за месяцы. Хорошим стрелком тоже просто так не станешь.

– Кто же тогда создал мир? Кто дает тебе возможность думать, ведь отличаешься ты от козла или коровы?

– Таков порядок вещей.

– Кто создал порядок вещей?

– Никто. Мир сложился из кучи мусора и, может, станет ею снова.

– Ты хоть раз видел, чтобы мусор складывался в кролика?

– Неплохо было б посмотреть, – посмеялся проводник. – Но и как Бог-отец создавал кролика, я тоже не видел. И не увижу, зуб даю. В мире много сил, которые тянут в разные стороны крошки земли, воду, воздух, плоть. Живые существа хотят еды и охоты, рожают, умирают, как и люди. Все перетекает и становится чем-то новым. До нас было много стран и народов, веривших, что они избранные, что их боги самые лучшие, что они идут правильной дорогой. И где они? Все исчезли, никакие боги им не помогли. Круговорот жизни забирает и правых, и неправых.

– Кто создал эти силы, если не Бог-отец? Если все уходит в прах, разве не должно быть что-то вечное?

– Зачем кому-то создавать все это безумие? Кто в здравом уме придумал бы такой мир? – ответил вопросами на вопросы Сорро. – Если Бог-отец существует, то кто создал Бога-отца? У вас, церковников, все упирается в то, что есть нечто, от чего все началось. Почему б этому чему-то не быть просто силами, случайностью? Раз уж увидеть это нельзя, а можно только догадываться? Людям просто хочется, чтобы причина была похожа на человека, думала как человек, создавала законы. А твой кролик, если б имел мозги, думал бы, что все создал верховный кролик и что бог любит есть траву. А может, ничего и не начиналось?

– Как наши мысли могут быть случайностью? – спросил я больше себя, чем своего спутника. – Не могу поверить, что вся гармония вокруг – результат хаотического движения. Если нет первопричины, эталона, к чему стремиться? Зачем жить, если зло никем не карается? Это невозможно. Такой мир слишком страшен.

– Значит, ты выбрал Бога-отца потому, что другое объяснение заставило намочить штаны? – подколот Сорро. – Один пророк шуай говорил, что есть вопросы, которые не имеют ответа, а если и ответить на них, то жизнь от того никак не изменится. А раз все это лишь слова и домыслы, то оно никак не помогает жить, а только делает мир мутным, заставляет служить тем, кто лучше болтает. Мы же люди ясности, кхола. Мы не увлекаемся словами.

– Так говорит Кари?

– О, она говорит гораздо сложнее, – сощурился Сорро, шутливо разглядывая меня. – Но я не хочу привести инквизитора обоссавшимся от страха.

Мы вместе посмеялись. Для того чтобы объяснить ему, что я прежде ощущал присутствие Бога-отца, пришлось бы переизобретать словарь, так что я смирился.

Странно, что Сорро не злился, слыша мои вопросы. Он просто обдумывал и открыто говорил все, что приходило в голову, он не горячился, не пытался оскорбить. В итоге разбивать наивные построения казалось неуместным. В аббатстве Кре его давно бы казнили, потому что нетерпимость преподавалась там прежде всех дисциплин. Нельзя разрушать железное здание веры, нельзя позволять еретикам раскачивать основы своим свободомыслием, нельзя подвергать сомнению священный текст, ведь это грех.

– Как тебе удалось стать таким отпетым еретиком в Лурде? Ведь мы – народ Бога-отца, он сопровождает нас с самого детства.

– Я раньше был таким же, как остальные. – Сорро усмехнулся. – Не слишком богобоязненным, но приличия соблюдал, кланялся пастырям и не раздумывал на такие темы. Тебя ведь тоже что-то привело сюда, инквизитор.

– Кари – ваш вождь? В столице говорят, что она блудница, демон, кукла четырех наследников.

Сорро снова засмеялся:

– Она наш брат, инквизитор.

– Она женщина.

– Да. И она – наш брат. И лекарь. И любовница.

Я не понимал, о чем он говорит.

Когда мы добрались до места, четверка уже пришла.

Бестия Каин да Коста, высокий палач, чье мрачное лицо излучало недоверие. Может, он и освободился от воли отца, спалив дом, но душевного покоя это ему не прибавило: Каин только и ждал возможности пустить в ход плеть. Ноги младшего сына епископа были обтянуты черными лосинами, и я начинал верить в версию про деревянную коляску – получать такое удовольствие от ходьбы может либо раненный, либо самодовольный до предела человек. Он неторопливо прохаживался туда-обратно.

Тео Лютер не привлекал к себе столько внимания – потрепанный жизнью, незаметный мужчина средних лет с плохо запоминающимся дружелюбным лицом. Один из рукавов Тео обгорел, русые волосы стояли торчком, подбородок и щеки покрывала щетина. Он сидел слева от Кари и смолил завернутый в сухой лист табак. Тео вполне можно было выпустить из поля зрения, если бы не умный, цепкий взгляд. Но я знал, кто создал дирижабли Кари, заставив Армаду заволноваться, и из поля зрения его не выпускал.

Раймонда Мартира я прежде не видел – и поразился элегантности узкобедрого дворянина. Напускная задумчивость не скрывала любопытства. Он был со вкусом, щегольски одет, противопоставляя свои манеры солдатскому равнодушию к этикету, которое выказывали другие. Романтический образ довершали светлые кудри и яркие зеленые глаза. Внешности Раймонда позавидовали бы даже фавориты пастыря Линса, который знал толк в притягательных мальчиках. Но Раймонд был для священно-служителей потерян – парень смотрел на блеклую, стриженую Годар с теплотой, достойной лучшего применения. Мне против воли стало интересно, спит ли она с ним.

– Инквизитор. – Раймонд коротко кивнул мне, демонстрируя вежливость.

Доминик Герма единственный из четверых походил на воина. Он, кажется, скучал, ожидая начала представления. Широкоскулое лицо, длинные темные волосы, зачесанные назад, серебряная серьга в ухе, как у наемников из Тирета. У пояса висела узкая сабля, и то, как он стоял и держал руку, показывало, что с оружием младший Герма знаком.

Каждый из них носил цвета герба Годар. У Мартира перевязь превратилась в алый шелковый шарф на руке, у да Косты – в красную ленту, обмотавшую рукоять плети, Лютер и Герма оставались в рамках традиций. Мужчины демонстрировали свою принадлежность Кари, будто они были ее подданными. Так давно никто не делал, церковь ввела собственную иерархию, во главе которой стоял Бог-отец. Я мог лишь гадать, чем вызвана такая личная преданность. Кари скользнула по мне взглядом и указала на место недалеко от да Косты. Похоже, все присутствующие станут свидетелями моего сегодняшнего провала.

Я никак не мог привыкнуть к маленькой, стриженной голове Годар. У женщин Армады волосы – отражение достоинства, их никто не обрезал, они беспечно стекали по плечам. Даже шуай ценили женскую красоту. Остричь волосы женщине – осквернение, позор, иногда так делали перед казнями еретичек или развратниц, чтобы лишить их остатков храбрости. Годар, наверное, решила упростить задачу будущим судьям. Я искал следы сомнения или ощущения неудобства на холодном лице, но она крепко, по-мужски расставив ноги, сидела на своем потрепанном троне. Кари было плевать на волосы, на Армаду и на меня.

– Рада приветствовать тебя среди кхола, людей без бога, инквизитор. Ко многому тебе придется привыкать.

– Меня зовут Дрейк, – из чувства внутреннего противоречия сказал я.

Не хотелось оставаться безымянным, как бы неприятны или опасны ни были эти люди.

– Что мне нужно знать о тебе, Дрейк?

Выражение лица Годар изменилось. Пустота и отрешенность исчезли, осталась только заинтересованность, которая согревала. Что ей нужно? Услышать, откуда я родом? Нет, она хотела знать что-то иное.

– Только не вздумай соврать, *ишья*. – Герма хотел помочь, что удивляло. – Здесь никому не нужно притворяться.

В войске Кари нередко использовали слова шуай, тогда как в столице их презирали. Язык покоренных считался низким, греховным, грубым, словно оплеуха.

– Я... Я набит пустотой настолько, что даже не чувствую раскаяния, – внезапно ответил я. – Как мертвая рыба, которую случайно выбросило на берег. У меня нет веры, чтобы оставаться инквизитором, и нет неистовства, чтобы кидаться на пастырей Совета. Не думаю, что смогу быть полезен, – вот что тебе нужно знать прежде всего.

– Случайно выбросило на берег... – повторила Кари. – Тебе пришлось долго идти, чтобы эта случайность стала возможной, Дрейк. У меня есть другое объяснение твоему появлению. Хочешь послушать?

– Пожалуй.

– Ты пришел туда, где чувствовал правду. Как и подобает инквизитору.

Она засмеялась, Герма хлопнул меня по плечу. Я ощущал толчки крови в висках.

– Чтобы отличать правду от лжи, не нужен бог, Дрейк.

– Тогда зачем тебе я? Ты и сама знаешь, кто лжет, а кто нет.

– Ты мне и не нужен, – ответила женщина. – Это мы тебе нужны.

Барабаны разорвали тишину. Я обернулся и увидел, что море еретиков нахлынуло,

стянулось к месту, где сидела Кари. Углубившись в себя, я не услышал, что они бурлили рядом.

– Он здесь.

Кари запустила пальцы в остатки волос и взъерошила их, словно мальчишка.

– Не терпится увидеть, кого к нам отправили. – Раймонд искал развлечений.

Бунтовщики меж тем расступились перед послем Армады, словно толпу разрезал гигантский нож. На одном конце коридора сидела Кари, конец другого исчезал вдали. Ритм был устрашающ, спустя миг на грохот наложились вибрирующие, громкие звуки труб. Взвыл рог. В конце разреза показалась фигура в белом одеянии. Лицо скрывала вуаль.

– Что... – начал было я, но Каин да Коста нетерпеливо ударил сложенной плетью по ноге, чтобы я замолчал.

Кари надругалась над миссией посла, превратив переговоры в потеху. Она была женщиной, чье место в тени, а он – голосом Армады, покоряющей миры. Но в этой церемонии все перевернулось, и вот уже дочь Годара сидит на мужском троне, а посол облачен в развевающийся шелк. Жар опалил лицо. Армада разговаривала с позиции силы, избранности, воли Бога-отца и предлагала условия, которые можно было только принять. Но людей Годар не интересовали предложения или договоры, а потому послу указали на его место – место танцовщицы, на которую пришло посмотреть чересчур много публики. Невероятное унижение для мужчины, воина, верующего и посла.

Посол медлил, барабаны ускорили темп, трубы гудели, рог ревел, словно толкая его в спину. Я хотел закрыть глаза, не желая наблюдать, как прищельца разорвут на части, но он вдруг двинулся вперед. Посол шел, словно гимнаст по канату, – так же осторожно и так же изящно, не оставляя шанса себя осмеять. Белый подол тонкой мантии развевался, ткань облепляла фигуру, но, казалось, он не чувствует ни капли стыда. Он пересекал коридор, ловя ритм и делая его соучастником. Кровавые капли камней сверкали на белом, когда прищелец спокойным движением откинул назад закрывающую лицо вуаль.

Кари подалась вперед. Посла Армады собирались унижить, но он превратил это в чествование. Остановившись перед нами, мужчина склонил голову – не слишком сильно, надо заметить.

– Вами решили пожертвовать, Акира, – вместо приветствия сказала бунтовщица. – Армада знает, что дипломатия здесь не принесет успеха, поэтому она отправила вас – малоопытного, очевидно незаконнорожденного, юнца. Но мы сделаем так, чтобы смерть хотя бы была эффектной.

Посол ничего не ответил. Его лицо, скуластое и острое, было по-дикарски привлекательным. Учитывая происходящее, он весьма неплохо держал себя в руках.

– У Армады есть что-то, что она может мне предложить?

Акира продолжал молчать. Раскосые глаза выдавали кровь шуай, но были ярко-синими, а не черными. Браки между шуай и жителями Лурда резко порицались и случались очень редко, потому что шуай не принимали веру в Бога-отца. Чистота крови играла большую роль при дворе и в церкви, тем удивительнее, что Акире удалось преодолеть традицию. Или же повезло с отцом.

– Совсем ничего? – Казалось, безмолвие облеченного в белое молодого мужчины развлекает Годар больше любой речи. – Он немой, инквизитор?

Кари с располагающей улыбкой повернула голову. Посол изучал странными глазами нас обоих.

– Нет. – В горле пересохло от возможности ошибиться. – Я уверен, что он может говорить.

– Жаль. Мне бы понравилась немота посла как знак того, что Совет способен на изысканные оскорбления. Армада скупа, но, может быть, что-то хотите предложить вы сами, Акира?

Кари махнула рукой – и барабаны с трубами стихли. Наступила многозначительная

тишина. Посол, видимо, понял, что любая речь или предложение будут восприняты как повод, а потому решил не произносить ни слова или просто был лишен языка. Но и сказать, что он оставался безмолвным, трудно, – говорила поза, прямой взгляд.

Тишина отяжелела, Каин нетерпеливо постукивал себя по ноге плетью. Кари развела руками, как бы приглашая толпу поддержать ее негодование. В ответ люди начали звенеть оружием.

– Молчать, когда нечего предложить, разумно – так избежишь лишнего позора. Но это не позволит сохранить тебе жизнь. Раз церковь не нашла ни слов, ни подарков, дело за тобой, посол. Что ты дашь мне, чтобы я отпустила тебя назад живым?

Акира помедлил, затем начал расстегивать одежды. Он делал это легко, отрешенно, вызывая неловкость скорее у тех, кто смотрел. Звон стали прекратился. Тишина нарушалась только шорохом падающей ткани. Каин выругался.

Очень быстро посол Армады остался нагим. Он предлагал Кари себя в обмен на собственную жизнь, и делал это перед всеми без малейшего смущения. Разодетый куртизанкой посланник странным образом не утратил достоинства. Это было невыносимо.

– Самая отвратительная попытка дипломатии из тех, что я видел, – покачал головой Тео Лютер и отвел взгляд.

Акира выпрямился, абсолютно голый. Шрамы испещряли тело посла везде, даже на бедрах и в паху.

Кари подошла вплотную к посланнику, разглядывая шрамы. Ни следа смущения, ни намека на целомудрие или неприязнь – зрелище застывало ее. Сомневаюсь, что пастыри церкви одобрили бы такой подход, но Акира знал, что никто не ожидает его возвращения, а потому предложил единственное, чем обладал. Возбужденные неожиданным поворотом еретики продолжили стучать клинками, создавая ритм, который становился все громче. Кари положила руку на грудь посла, украшенную узором шрамов, но почти сразу вернулась туда, где стоял помрачневший Каин.

– «Без красноречия Чжу-То и красоты сунского принца Чжао трудно избежать ненависти в наш век». Твое красноречие и, – Кари усмехнулась, – твоя красота нас всех впечатлили. Судя по шрамам, ты был рабом добропорядочных жителей Лурда, шуай. И остаешься рабом церкви и Бога-отца сейчас. Я приму твой дар, когда ты перестанешь быть рабом.

Посол Акира спас меня, не давая возможности трактовать его речь, и спас себя, сумев захватить Кари невиданной смесью дерзости и смирения. Он поклонился и не мешкая пошел прочь, не взглянув на сброшенную ткань. Так, нагой, он и покинул лагерь.

Глава 4

Королевская игра

Один, два, три, четыре. Когда ударов наберется тысяча, Акира остановится, но пока он продолжал выпады с клинком, методично отсчитывая очередной десяток движений.

Дипломатия шуай – тонкое искусство, больше похожее на мозаику уступок, игру ума, создание сложных, многозначных арок из предложений и сомнительных комплиментов, на философский спор. Они танцевали, кружили, никогда не опускаясь до прямых угроз. Шуай избегали схватки, отступая и устраивая на пути армии непреодолимые заслоны, горные обвалы или разлив рек. Дипломатия Армады – язык силы, постулаты и доминирование, нападение и давление. Религия Бога-отца не предполагала уступок. Армаде можно либо сдаться, либо сгореть в огне ее праведного гнева. Каждый должен был подчиниться и занять место у ног сурового бога.

Акира знал оба этих языка, равно удачно используя их, преуспевая в мастерстве намеков и в ремесле политического шантажа. Мало кто из верующих мог понять ход мыслей странных иноземцев, а во время плохого урожая церковь, скрипя зубами, торговала с шуай, и посол оказывался незаменим. Акира многое видел, путешествуя в детстве с занимавшим тот же пост отцом, но мир шуай не становился яснее, хотя вряд ли он готов был об этом кому-либо сообщить. Полукровка показывал только то, что могло вызвать желаемый отклик.

Все, что он имел, Акира воспринимал как инструмент, включая и тело. Акира и сам был инструментом Армады. К тому времени как достижения привели полукровку в школу знати, он многое успел испытать. Добродетель жителей Лурда доставалась только пастырям и близким, а с шуай никто не церемонился, особенно если инородцы оказывались умнее или сильнее большинства верующих. Высокий пост отца позволил Акире поступить в прославленную школу, но другие ученики этому не обрадовались. Для них он был дикарем, угрозой, и каждый стремился это показать.

Переборов их сопротивление с помощью меча и ума, Акира выучил, что человеческая жизнь ничего не стоит, мораль изменяется от народа к народу, а люди по большей части слабы и неумны, поэтому он не испытывал ни малейшего сожаления, манипулируя ими. Акира служил Армаде преданно и беспрекословно – насколько это может делать человек, набитый пеплом. Он не чувствовал влечения ни к чему, кроме оружия и вещей, требующих напряжения ума. Ему нравились сложности.

Практикуясь с клинком, Акира обдумывал последние слова Кари. Что это такое – не быть рабом? В мире шуай человек – раб круга вечного превращения материи, в мире Бога-отца – раб греха или раб бога. Никого из тех, кого встречал посол, нельзя назвать свободным. У Акиры не имелось ни одного желания, которое он не смог бы удовлетворить, оставаясь там, где есть, хотя у него в целом было крайне мало желаний. Восстание – бесцельное перемещение мусора из одного угла в другой. Годар не была глупа, поэтому он вращал в голове двойственные слова: она издевалась над ним и в то же время предлагала встать на ее сторону. Бессмысленное предложение.

Акира завершил упражнения и отправился в покои, чтобы подготовиться к встрече с королем. Посла долго допрашивали после визита в лагерь Годар, отмечая каждую мелочь, но Тристан Четвертый назначил послу отдельную аудиенцию. Обычно король получал сведения

от пастырей, к тому же он недолюбливал язычников-шуай. Но бродящие в кабаках и на рынках столицы слухи, откровенно демонизировавшие как «блудницу», так и «четверку» отлученных от церкви наследников, наверняка распяляли любопытство. Что ж, Акире есть чем его развлечь.

Посол тщательно оделся и направился к зданию Совета, к которому примыкал и королевский дворец, в тени огромной статуи Бога-отца смотревшийся достаточно скромно. Вверху проплывали дирижабли, патрулирующие город. На металлизированных корпусах воздушных кораблей были натянуты полотнища с крестом, символом Армады. О значении символа велись богословские дебаты, но пастыри говорили, что это крестовина меча Бога-отца, священного оружия, которым он поражал нечестивцев и освобождал земли. Меча, которым он расколол небо, позволив людям Лурда провалиться вместе с их городами в новый мир, чтобы нести свет веры и там. Именно поэтому верующие мужчины старались быть воинами, как Бог-отец.

Терновник удивлял бледностью, он порывисто ходил туда-сюда, комкая в руках край белого с золотым плаща. В народе короля любили – говорили, он плачет кровавыми слезами, искупая грехи Лурда.

– Вы видели блудницу, посол? Говорят, они превратили Сеану в оплот разврата, где голые женщины бьют в бубны, распаяя бандитов, мужеложцы свободно разгуливают, держась за руки, а поработанные демонами механики строят проклятые устройства. Невозможно представить, что такая язва разрастается на границе наших земель.

Король выглядел так, словно давно не спал. Запавшие голубые глаза ярко светились, голос срывался на крик.

– Слухи сильно преувеличивают, мой король. – Акира поклонился. – Но ваши опасения имеют под собой почву – лагерь еретиков действительно поражает необычными картинами.

– Не двигайтесь, – приказал Тристан.

Посол подчинился. Король приблизился, положил руки ему на плечи и начал пристально всматриваться в глаза Акиры.

– Как сладка и ужасна свобода, которую она предлагает, свобода демонов, мечущих молнии под небесами... – Лицо Терновника стало устрашающим, его выражение постоянно менялось. – Ее люди делают из себя богов, но разве получится из человека бог? Только сплошная гордыня, изъяны, жажда, похоть, страдание, а значит – демон. И я вижу в ваших мыслях инквизитора. Если самые чистые дети Бога-отца подвергаются влиянию скверны, мы должны действовать как можно скорее. Нельзя ждать ни минуты, посол.

– Разделяю ваше беспокойство. Однако мне известно лишь то, что он носил одежды инквизитора. Это не означает, что он в самом деле один из братьев. – Акиру поразили умения Терновника. – Они могли взять любого из толпы, чтобы досадить Армаде.

Король резко отодвинулся, словно Акира был прокаженным.

– А может, вам понравилось то, что она предлагала? – спросил он, поднимая бровь. – Вам хотелось остаться среди них, посол? Я чувствую ее следы на вас, они везде...

– Я не лучший из сынов Армады, но разнузданность еретиков меня не прельщает.

– На вас горит алое солнце греха. – Терновник начал бормотать и ломать руки, он был не в себе, но статус Акиры не позволял прекратить разговор. – Оно здесь... Здесь.

Палец короля ткнул посла в грудь.

– Все слабы, посол. Поэтому мы должны вырвать ростки, способные стать соблазном.

– Для искривленного ума любая вещь может им стать, – расплывчато ответил Акира.

– Довольно, шуай! Эта философия не приводит к подобающему итогу. Мы идем в зал Совета, где вы расскажете, что происходило около Сеаны. Мне тоже есть что поведать пастырям... И что показать.

Никогда прежде посол не видел короля в таком возбуждении. Тристан крутился и смотрел в небо, как будто ожидал, что Бог-отец появится среди облаков. Он казался надломленным. Внутреннее спокойствие, и без того ему несвойственное, окончательно покинуло короля.

Акира поднял голову – и в этот момент из-за спиной столицы выплыл гигант, при виде которого захватило дух. Такого дирижабля посол еще не видел, это левиафан кораблей. Сияющий крест на боку металлизированного баллона ласкало солнце, на огромной вытянутой корзине, больше напоминавшей многоэтажную платформу, было написано «Господь воинств». Дула орудий угрожающе торчали по бокам, как будто взрывоопасность пороха существовала лишь в воображении трусов. Корабль внушал ужас своими размерами.

Жители Лурда покорили воздух, сделав легкой переброску войск между гористыми и болотистыми местностями чужих земель, и «Господь воинств» закреплял это преимущество окончательно и бесповоротно. Не важно было даже, крепка ли конструкция и эффективен ли корабль в бою, – одного взгляда на приближающегося «Господа воинств» хватало, чтобы по спине пробежал холодок. Летающая громада искрилась на солнце.

– Это мой корабль. – Голос Тристана зазвучал иначе, более уверенно. – Он может залить огнем любой город. Он может подниматься достаточно высоко, чтобы его было невозможно достать с земли, а мощи хватит, чтобы перенести над горами и обрывами целую армию.

– Достаточно ли он маневренный, мой король? – усомнился в эффективности чудовища Акира.

– Я поставил на него двигатели, о которых узнал от еретиков. Сведения об их изобретениях расходятся по Лурду гораздо быстрее, чем мы успеваем что-то предпринять. За время вашего путешествия в Сеану я уже обдумал дальнейшую тактику. «Господь воинств» хорошо нам послужит, не сомневайтесь.

Акира не мог понять, как частное лицо, которым являлся король, сумело нарушить закон о владении воздушными судами, но Тристан помог ему:

– Я отдал все свои земли и наследные ценности церкви. Никто из моих потомков ничего не получит, но у меня и не будет потомков – я дал обет. Народ поражен таким благочестием. – Король горько усмехнулся. – Все, за что мои предки себялюбиво боролись, я без боя отдал Совету. У меня не осталось ни имущества, ни привязанностей – ничего, что помешало бы творить волю Бога.

Ироничный взлет бровей Дала Риона появился перед его внутренним зрением. «Да ты отвязный тип, Терновник, – насмеялся убийца. – Сколько страсти, сколько риска, чтобы стереть с лица земли людей, посмевших жить свободно».

Король дернулся, пытаясь избавиться от воспоминаний. Он был уверен, что убийство старого друга станет искуплением, и фатально ошибся. Чувство вины искажалось, увеличивалось, видоизменялось, становилось только больше, как будто все, что он делает, неправильно, повреждено. Живые люди наскучивают, а мертвые заполняют память, приобретают совершенство, которым не славились при жизни. «Господь воинств» позволит исправить это.

– Величественный корабль. – Звучный голос Акиры ворвался в пылающую голову Тристана. – Я впечатлен вашей силой духа, мой король. Это счастье – знать, что такой

человек хочет защитить тебя.

В устах любого другого подобные слова звучали бы неправдоподобной лестью, но посол шуай произносил их так, что учтивость превращалась в искренность. Тристан был уверен, что полукровка лжет, но никаких следов лжи не чувствовалось. Акира казался подлинным, хоть и совершенно холодным, чего о себе король точно сказать не мог. Читать в голове посла непросто – выпуклые, живописные воспоминания, лагерь еретиков вставал, словно живой, но ничего личного, никаких темных дыр, которые так пугали у остальных. Акира ускользал от восприятия короля-святого, выглядя чересчур прозрачным, и Тристану это нравилось. Если бы все люди внутри были такими же полыми, он мог бы не сдерживаться, опасаясь почувствовать их боль или желания. Однако чутье подсказывало королю, что он просто не научился достаточно глубоко копать.

– Да, я буду защищать вас от скверны, Акира. Как и весь Лурд, – пообещал он.

Оставив посла ждать снаружи, Тристан Четвертый зашел в часовню, глядя на суровое лицо статуи Бога-отца. Король едва заметно дрожал. Контролировать остроту восприятия стало трудно, каркас воли ослабел, а потому осколки чужих чувств то и дело просачивались, проникали внутрь дразнящим эхом. Узкие губы Дала Риона змеились на мертвом лице, и Тристан наблюдал в цикле памяти, как одеревенело и стало чужим тело, которое прежде так легко скользило в танце клинков.

Король никогда не убивал прежде. Может быть, отдавал приказы, но никогда не вонзал оружие в чужую плоть. Вместо того чтобы избавиться от Дала Риона окончательно, он сделал его избранным, особенным, первым в цепи убийств, которые намеревался совершить. В зеркале Тристан встречался взглядом с белокурый отпрыском королевского рода. Предки оставили ему превосходное наследство – внешность, которая располагала к себе. Он не мог понять, почему внутренняя боль никак не сминает черты, почему израненное нутро и благородный вид настолько контрастны. Кровь струилась по пальцам знаком совершённого греха.

В мантии, покрытой кровавыми следами, он вошел в зал Высшего Совета, сопровождаемый молчаливым послом. Тристан неуверенно остановился внутри залитого солнцем круга посредине зала. Хотелось зажмуриться, отступить. Ползущая по выложенной мозаике тень от медленно дрейфующего «Господа воинств», постепенно отъедавшая кусок светлого участка пола, была его единственным аргументом. Тристан осознавал, что лорд-инквизитор Силье никогда не даст ему командования, а его собственный голос слишком слаб, чтобы пастыри стали к нему прислушиваться. Но их можно подтолкнуть, вонзить кинжалы в тщательно скрываемые язвы.

Он перебирал доводы, пытался вслушиваться в разрозненные, нечеткие ощущения, идущие от собравшихся пастырей, инквизиторов, писчих, даже святых, но вместо этого вдруг сказал:

– Я требую присутствия Троицы.

В зале воцарилось молчание.

– При всем уважении, но я не заметил орд врагов, осаждающих наши города, мой король. Троица не зря проводит свои дни в уединении. Ее сила и знание Бога слишком велики, чтобы уделять время мирскому.

– Отчего вы так боитесь города мертвых, лорд-инквизитор? – наступал король, повторяя скрытые желания части присутствующих. – Это всего лишь суеверия язычников. Если нужно,

я спалю его дотла вместе с бунтовщиками.

– Я совершенно согласен, – улыбнулся пастырь Вик. – Приятно слышать разумные слова истинно верующего.

Лорд-инквизитор Силье не смог удержаться от досадливого жеста.

– Простите, что вмешиваюсь в разговор почтенного Совета. – Тристана будто завернули в бархат. – Судя по рапорту посла Акиры, в лагере еретиков присутствовал высокий мужчина со шрамом на подбородке в одежде инквизитора. Его зовут Дрейк, и он хорошо известен в аббатстве. Я только что прибыла в столицу по приказу лорда-инквизитора, чтобы подтвердить эти неприятные новости. Ересь среди знающих правду – что-то совершенно новое. – Пришелица встала и оказалась в круге рядом с Тристаном, будто прикрывая его спину. – Дрейк не был стоек в вере, однако случившееся поражает. Возможно, Бог-отец подсказывает королю верные решения – больше нельзя стоять в стороне.

Король никогда не видел настолько привлекательной женщины. Черный корсаж плотно обхватывал грудь, амазонка и высокие сапоги подчеркивали изящество длинных ног. Пыль на обуви, коже и облачении, распахнутый плащ говорили о том, что незнакомка проделала долгий путь. Темное с фиолетовым – цвета женского братства, но ни следа бесконечных складок одеяний монашек, скрывающих все, на что стоило бы посмотреть.

Тагуировка в виде креста на шее – женщины-инквизиторы встречались не часто, поэтому им необходимо было защищаться от невежд, реагирующих на чрезмерную свободу поведения. Знак Бога-отца делал их неприкосновенными. У пояса женщины даже висел тонкий клинок с украшенной рукоятью. Им запрещали вступать в брак и предаваться плотским утехам на время службы, и в случае с этой сестрой запрет вызывал сожаление. Смоляной поток волос водопадом покрывал плечи, фиалковые глаза бесстрашно смотрели на пастырей, сочные губы и чувственный голос завершали картину. Девственницы-воины, способные распознать любую ложь в чужих словах, – стилет Бога-отца.

– Мы не можем стоять в стороне даже из соображений осторожности. Дочь Годара заняла стратегически верное положение. Сеана находится на возвышенности, сзади ее прикрывают горы, перед городом – обрыв и река. Наш флот должен будет пересечь реку, и еретики смогут беспрепятственно бомбардировать его с утеса. Кроме того, внизу находится языческая святыня. Все это так, игнорировать расклад мы не можем, однако чистота инквизиции находится под угрозой. Не знаю, какие демоны дают Годар силы, но ее необходимо уничтожить, иначе народ начнет поддаваться сомнениям и скверне. Он уже поддается. Но что более страшно – сомнения появятся и среди нас.

– Епифания, женское волнение понятно, но его следует усмирить. – Лорд-инквизитор Силье обвел их взглядом, заставляющим повиноваться. – Все эти доводы мы многократно обсуждали. В документах присутствуют малоизвестные факты о старом городе язычников, которые заставляют нас прибегнуть к дипломатии. Они – неопровержимая правда, хотя я не вижу смысла в ее раскрытии. Годар должна выдвинуть свое войско за реку, чтобы мы могли сокрушить ее, не опасаясь за спокойствие Лурда. Я уверен, что посол сумеет сыграть на слабостях еретички, хотя полученные сведения говорят о том, что повстанцы осведомлены о возможной опасности со стороны города мертвых и именно поэтому не торопятся выдвигаться вглубь страны.

– Но...

– Женщине сложно нести бремя служителя Бога, – мягко произнес Силье. – И сейчас нет необходимости это делать, Епифания. В Лурде тихо, если не считать этого недоразумения с бунтовщиками в Сеане. Все ценят твою веру, но, как только мы завершим разбирательства, тебе стоит отдохнуть. Ты выполнила свою задачу, и мы тебе благодарны.

– Я бы тоже с удовольствием отдохнул, – вклинился пастырь Бэкер. – Уж я бы и садом занялся, и начал бы писать на старости лет. Но трудно отдыхать, когда совращают братьев и сестер. Если оставаться слишком терпимыми, можно дожить до того, что люди и молиться сочтут ненужным, и подати платить, начнут жениться на шуай и...

Епифания порывисто взяла короля за руку.

Он не успел удивиться такой вольности, как она крепко сцепила тонкие пальцы, не давая отстраниться. Сохраняя приличия, Тристан продолжал недвижимо стоять, к тому же пастыри пустились в долгие прения, накаляя воздух, и ничего не замечали.

Гордость – вот главная струна, звучавшая в Епифании. Главный грех, как говорили святые книги, но все же в нем не было слабости, которую так презирал в себе король. Ее чувства были сильны, беспримесны, они окутывали облаком желаний. Епифания ненавидела мудрость и силу Силье, сковывающую войска, ведь все, к чему она стремилась, – это бой. Удел женщин – рожать, быть покорными, повиноваться мужу и отцу. Ничего из этого Епифании не подходило, но, если нет преступников, нет нужды и преступать правила, разрешая женщинам становиться сестрами Армады. Прямая и гибкая дева-инквизитор больше всего на свете боялась потерять власть. Страх делал женщину уязвимой и притягательной. Сострадание охватило короля...

Он с усилием сбросил наваждение, не желая снова попадать в ловушку из принадлежащих другим чувств. Тристану становилось плохо от того, с какой легкостью он проваливается в чужие головы. Видимо, Епифания и впрямь бесконечно сильно желала остаться в рядах Армады, раз забыла о скромности и швырнула в чужого мужчину собственное отчаяние.

– Я умру за вас, мой король, – прошептала она, – только остановите его.

– Как я могу остановить лорда-инквизитора? – тихо рассмеялся Тристан, отбирая ладонь. – Никто во всем Лурде не имеет большего влияния.

– Никто, кроме Бога-отца.

Епифания указала на круг, в котором они стояли. Если бы не клинок в ножнах на ее бедре, можно было бы решить, что перед ним принцесса со старых картин. Принцесса-воительница, невеста Бога-отца. Тристану нужна была ее чистота.

Изображение на полу, искусно выложенное лучшими мастерами, представляло собой битву между двумя воинами, сошедшимися в схватке на мечах. На них не было доспехов, но благородные лица и гербы не давали усомниться в знатности рода рыцарей. По ободу круга святые взирали на поединок, а над ними золотились символы Бога-отца.

Внезапно король понял, чего хочет Епифания. Та билась изо всех сил, чтобы не кануть в небытие женской жизни. Сила ее жажды поразила Тристана – он всегда считал, что женщины мягки и стремятся лишь к тихим семейным занятиям. Король задал себе вопрос, достаточно ли он сам отчаялся, чтобы следовать ее безумному плану, – и довольно быстро ответил на него, нервно улыбнувшись.

– Я вижу, что лорд-инквизитор Силье сдерживает половину Совета, потакая еретикам, – громко произнес Тристан. – Любые обсуждения будут заходить в тупик, пока этот вопрос не решится. Поэтому я требую божьего суда. Здесь, сейчас, в этом круге.

Глава 5

Глаза

Никогда прежде я не работал столько, сколько в лагере кхола. В Армаде у каждого есть предназначение, люди не перескакивают с занятия на занятие. Ремесленники становятся ремесленниками, рабы остаются рабами, знать развлекается, церковь судит и правит. Инквизиторы во время обучения получают различные послушания для укрепления дисциплины, но в основном мы изучали военное дело и священные тексты, философию Бога-отца, полировали добродетель, словно меч. Участие в судах оставляло достаточно времени для раздумий. Материальный мир – шероховатость деревянной кружки пива, непокорное хлопанье паруса на ветру, прилипшая к спине рубашка, бадья с грязной водой, рваный плащ, голод – исчезал из виду, ведь инквизиторы особенные, их задача – отделить ложное от истинного, а не штопать портки.

В лагере Кари все было по-другому. Люди шли туда, где требовалась помощь, независимо от своих навыков. Изгой, наглецы и любопытствующие, оказавшиеся среди кхола, образовали новое сословие с новыми правилами, которые я пока не мог полностью постичь. Большую часть вещей приходилось делать самому, причем в темпе, не оставляющем возможности предаваться размышлениям. Женщины участвовали в работах наравне с мужчинами, они вели себя слишком свободно, даже развязно, не покрывали голову, носили рубахи и штаны. Я видел, как одна из них метала ножи в мишень, и делала это лучше, чем сумел бы я. Рабочие руки требовались повсюду, моя особость здесь не существовала.

Я помогал пропитывать ткань для дирижаблей под руководством Тео Лютера, разносил оружие, отмерял порох, копировал карты, даже учил других читать. Неугомонный Раймонд Мартир расставил мишени и показывал чудеса меткой стрельбы из револьвера выделенному отряду. Доминик Герма набрал небольшую группу подходящих людей для фехтования, чтобы те затем передали навыки остальным. Тео и некоторые из его механиков, обладающие ораторским даром, не забывая об основных обязанностях, успевали читать краткие лекции по устройству мира, в котором не было места божественным законам. Только Каина да Косту я видел редко – он был замкнут, мрачен, словно окружен стальной клеткой. Разговаривать с Домиником было проще всего, и я тоже учился у него фехтовать – у него было чему поучиться даже инквизитору.

Воздушный флот еретиков оказался невелик – всего пять дирижаблей, но поразительным было уже то, что их построили. Воздушные корабли разрешалось создавать только на верфях Армады. Отдельным, вызывающим удивление фактом оказалось производство пороха – его делали вдалеке от лагеря и привозили сюда под руководством Тео. Я быстро привык к Тео – он был вездесущ и держал в кулаке разномастную братию своих исследователей. В его лице они получили учителя и заступника. Тихий и незаметный, Тео мало говорил, больше слушал, но только не тогда, когда дело касалось науки, механики и изобретений. Меня вовлекли в кипучую жизнь кхола, не задавая вопросов.

Похоже, Кари делала ставку на изобретения Лютера, а вопиющее безбожие снимало ограничения – они проводили эксперименты над всем подряд. Несколько человек из его команды корпели над чертежами более удачных моделей револьверов. В столице грохочущим огнестрельным оружием баловались лишь франты, но армия не брала его на вооружение из-

за дороговизны и громоздкости, к тому же порох постоянно отсыревал. Хорошо владеть клинком было гораздо престижнее, хотя Лютер говорил, что будущее за дистанционной войной. Часто он выражал сомнение и в эффективности дирижаблей, критикуя их за неповоротливость, плохую управляемость и опасность, но такое я уже всерьез воспринимать не мог – с детства я слышал, что воздушный флот Армады непобедим. Я знал, что они разметали шуай, я видел их сияющие бока, плывущие над столицей.

Вечерами жизнь не утихала. Особенно кхولا любили «костры свободы» – зажигали большой костер, а затем устраивали представления, танцевали или пели. Многие вращали вокруг тел горящие обручи, жонглировали или устраивали бескровные дуэли. Последнее также напоминало обычаи шуай, высоко ценивших боевые искусства, но никогда не использовавших свое мастерство для того, чтобы убивать.

Я считал это ненормальным, не мог понять, как обычные люди Лурда вдруг превращаются в дикарей. Кари делала из них новый народ, крала их у церкви, она их портила. Но мое понимание нормального так часто травмировалось увиденным в лагере и Сеане, что постепенно я перестал испытывать острое возмущение. Это требовало слишком много энергии, а я чертовски устал. Как-то я обнаружил себя невероятно пьяным и танцующим около костра под песню Лавинии, местной актрисы. Работа исцеляла – времени на то, чтобы погружаться во тьму, просто не оставалось.

Единственное, что продолжало доводить меня до исступления, – это сама Кари. Я не мог смириться с тем, что женщине дана такая власть. Отсутствие необходимых приличий, открытое обожание Мартира, преданность де Косты, верность Лютера, дружеская симпатия, с которой к ней относился Герма, легенды о ее пронизательности – все это было сложнее принять, чем отрицание Бога. Предельная самостоятельность, с которой вела себя Кари, надменность, самоуверенность, склонный к многоходовым интригам ум подошли бы пастырю или первому сыну знатных родов, но не женщине-сироте. В столице есть множество дам, которых вряд ли можно назвать добродетельными, но они, черт возьми, хотя бы делали вид! Лживая, но кроткая имитация соблюдения правил оказалась для меня предпочтительнее явного неповиновения, и за это открытие я злился на Кари еще больше.

То, что она говорила, являлось неприкрытой ересью, за которую в столице немедленно казнили бы. Но то, чем она сама была, сердило гораздо сильнее – в Кари не осталось ровным счетом ничего от воспеваемых священными текстами женских добродетелей. Она не была ни скромна, ни красива, ни участлива, ни целомудренна, ни молчалива, ни покорна; она не нуждалась в защите, не ходила величаво и грациозно. Но самое главное, что она не пыталась ничего из этого добиться.

Увидев обранные волосы, я уже испытал неудобство. Несмотря на осознание того, что неудобство вызвано воспитанием, оно царапало каждый раз, когда я видел Кари. Она превратила саму себя в символ сопротивления церкви. Кари могла ничего не говорить – внешний вид уже давал пощечину любому верующему.

– Вы спите с ней? – как можно более грубо спросил я Доминика, пытаюсь изобразить простонародное любопытство.

Тот расхохотался в ответ.

– Вы, четверо, носите ее цвета, как будто она – король или ваша любовница... – попытался объяснить я.

– Неужели это тебя так задевает? – продолжил смеяться Доминик. – Кари спит с кем хочет. Но ее цвета мы носим не поэтому. Каждый из нас обязан ей спасением, и вряд ли

оказанную услугу можно искупить иначе чем жизнью.

– Я не верю, что она вас вылечила, Доминик. Вы можете рассказывать это дурачкам в лагере, но я-то знаю, что это невозможно. Исцелять могут только святые, а Кари к ним не относится.

Герма наконец прекратил смеяться:

– Похоже, ты и впрямь потерял умение отличать правду от лжи. Тогда обдумай вот что, инквизитор: я умирал, пока не пришла Кари. Каин был беспомощен. Красота Раймонда оказалась бесполезна. Твой Бог-отец всласть поиздевался над ним – все женщины в городе хотели забраться к нему в постель, а он не мог взять ни одной. Тео ослеп, но сейчас проводит опыты с утра до вечера. И да – некоторые святые церкви действительно могут исцелять.

– К чему ты ведешь?

– Исцеление и вера в Бога-отца никак не связаны между собой.

Я был ошеломлен:

– Я не понимаю... Не понимаю.

– Церковь использует людей, способных совершать необычные вещи, чтобы поддерживать власть. Ради этого она делает «святых» своей частью, свидетельством мощи Бога-отца, отыскивает подходящих людей и воспитывает их в строгой вере. Но это обман. Это не святые могут творить чудеса за счет Бога-отца, это Бог-отец существует только потому, что церковь не дает разоблачить фальшивку, устраивая чудеса по праздникам. В том числе и за счет *тебя*.

Я хотел возразить, опровергнуть сказанное, но не мог. Слова Доминика звучали очень естественно, и они душили меня. Невозможные слова, настоящий яд.

– Ты злишься на то, что мы носим цвета Кари, страстно хочешь увидеть ее пороки. Кари оправдывает твои ожидания, ханжа, – усмехнулся Доминик. – Она способна на жестокость, которая тебе и не снилась, это порой пугает. Но ты зол просто потому, что сам хотел бы быть предан кому-то так же, как мы. Люди нуждаются в преданности, основанной на действительной благодарности, а не на традиции. В этом суть кодекса кхола, суть подвига. Кто-то совершает невозможное для тебя, а ты совершаешь невозможное для него. Церковь запрещает невозможное всем, оставляя это для Бога-отца. Кому нужен такой мир? – Он пожал плечами.

– Почему же инквизиторы не чувствуют такой лжи? Этого не может быть.

– Что, если они не понимают, какие задавать вопросы? Мне тоже хотелось бы знать, почему, – серьезно сказал Доминик. – Но это ты инквизитор, а не я. Это твоя задача – знать верные ответы.

Я ушел, почти сбежал. Тяжесть сказанного грозила раздавить. Я не мог в это поверить, выталкивал услышанное, уверяя себя в том, что они лгут. Легко одурачить человека, который потерял способность вычленять обман. Невыносимо. Я сбил кого-то, мчась к своему шатру, совершенно уничтоженный. Может быть, я подозревал что-то подобное прежде, когда спорил с Робером Кре, когда уходил из аббатства, где запрещали задавать вопросы о Боге-отце, но никогда, никогда я не хотел, чтобы ответ был *таким*. Как могло оказаться ложью чувство близости Бога? Как жить в мире, где есть только люди, такие жалкие и такие несовершенные? Опровергнуть Доминика – вот все, чего я жаждал.

– Кари ждет тебя, инквизитор.

– Не сейчас.

– Это приказ. – Сорро развел руками.

В какой-то степени я был почти рад возможности двигаться, потому что никак не мог совладать с мыслями. Сорро довел до привязанных лошадей, и мы поскакали в Сеану, в поместье Годар. Город полностью принадлежал кхола, но пришельцы не спешили заселять оставленные бежавшими верующими дома – им нравился простор на окраине, покрытой шатрами и испещренной точками костров. При любых восстаниях мародеры первым делом выносили из домов знати звенящие люстры, дорогие ковры и серебряную посуду, но «людям ясности» до этого не было никакого дела. Серебро постепенно собрали и продали, но исключительно из деловых соображений. Люди Годар не примеряли на себя богатство духовенства, что тоже подспудно выводило из себя. Ведь чернь вечно искала лишь еды и денег, она шевелилась и поднималась только тогда, когда было нечего есть, а здесь отчего-то избегала чужого добра. Кхола не были обычными еретиками.

Как рассказал Сорро, Сеана раньше называлась Аш-ти и принадлежала народу шуай, поэтому некоторые старые здания так странно выглядели. Армада на время превратила Аш-ти в форпост, через который продвигалась вглубь чужих земель, но война вскоре завершилась, поэтому войска свернули, и город снова стал никому не интересен, превратившись в провинцию. Аш-ти означало «близнецы», и Сорро был уверен, что речь идет о городе мертвых, который лежал под скалой внизу, – что город живых и город мертвых были отражениями друг друга.

– Ты когда-нибудь видел мертвецов?

– Чтобы они ходили? Ни разу. Но я туда и не спускался, еще чего, – пожал плечами проводник. – Думаю, там просто красивые руины. Лютер все хочет снарядить несколько человек спуститься и проверить, но дел и без того хватает.

Особняк Годар вытянулся посреди аккуратного сада, ему не хватало шика. Очевидно, отец Кари строил его так же, как заводы, – исходя из соображений удобства, а не для того, чтобы впечатлять. Однако искусно высаженные деревья и кустарники искупали недостаток фантазии в архитектуре. Часовню Бога-отца, которая должна была располагаться справа от входа, убрали.

Кари вместе с Каином да Костой и парой его людей ждала в большом пустом зале, почти без мебели. Они разговаривали о последней партии ткани, купленной у шуай. Прежде это, вероятно, было место, где ее отец собирал промышленников и знать для обсуждения важных вопросов, но теперь в пустом прямоугольнике на темном паркете возвышалось лишь кресло за огромным черным столом, целиком заваленным книгами. Карты, чертежи, сочинения, среди которых я заметил технические учебники, трактат о добывании соли, «Заметки о стратегии» Айона Фойте, «Занимательное искусство фехтования для благородных целей» Кавино, словари, пособия по химии, даже несколько изданий священных текстов. Помимо книг здесь скопились пустые винные бутылки и несколько ламп. Вместе со столом они образовывали странный остров посреди пустоты.

В углу, рядом с окном, сквозь которое виднелись трепетавшие ветви деревьев, лежал небрежно брошенный матрац, покрывало и мягкие шкуры, образующие удобное, но примитивное ложе. Больше в комнате ничего не осталось, разве что длинная походная скамья, которую в случае надобности можно было взять и переставить, чтобы пришедшие сели. Маленькая стойка с клинками в пустой части комнаты завершала картину. Кари не принимала людей, а жила здесь, в непривычном гибриде кабинета, тренировочного зала и спальни.

Сорро сразу же вышел, оставив меня наедине с Кари и хмурым Каином.

– Я знаю, что Доминик рассказал тебе про святых. Он поторопился, но не соврал. Церковь действительно использует таких, как я и ты, завлекая их обманом. Мне жаль.

– Между нами нет ничего общего, Кари.

– Как хочешь, – пожала плечами она. – Церковь не только лжет, но и владеет святыми. Они могли бы совершить много удивительных и славных дел, помочь десяткам, если не сотням людей, но вместо этого сидят по аббатствам и пещерам, долбя бесполезные слова и ожидая приказов пастырей. Исключительное благочестие и возможность творить чудеса должны оставаться дорогим и редким товаром для избранных, не так ли?

– Мой дар ушел, когда я перестал верить. Как я ни старался его вернуть, я ничего не чувствую. Окружающее плоско и бессмысленно. Нас учили, что вера защищает способных от демонов.

– Демоны? – встрепенулся Каин. – Ты издеваешься, инквизитор? Спихивать собственные промахи на злую волю или демонов – как это похоже на попов! Мой отец только о них и говорил, хотя единственный его демон – это бутылка. – Он скривился. – Неопытные люди часто не могут справиться с видениями или необычными силами, но это человеческие ошибки.

– Мне плевать на демонов, да Коста, – отмахнулся я. – Есть они или нет, я действительно ни одного не видел, хотя знаю результаты – обезумевших людей. Но одно могу сказать точно – я потерял способности инквизитора и не могу их вернуть. И это словно вывалиться из-под защиты в звенящий ад, где ты глух и слеп, жалко пытаешься интеллектом постигнуть хаос, в котором нет ни смысла, ни направления.

Кари сдвинула брови, потянулась за вином и налила алую жидкость в стакан.

– Ты сбежал не просто так. Я оказываю тебе услугу, Дрейк, разоблачая членов Совета. Теперь ты знаешь, что пастыри и учителя, выбивавшие из тебя желания, – лжецы и ты бежал не напрасно. Такое должно воспалять любого, кто знает слово «достоинство». А ты, словно овца, только блеешь о том, что Бог оставил тебя!

Рука сама потянулась к клинку, но Сорро забрал его, когда уходил.

Оказывается, я верил в Бога-отца, даже отказавшись от него. Он – жестокий центр миров, карающий и всевидящий, лишь благодаря ему вращались жернова, перемальвающие

жизни. Слова, выученные наизусть, вскипали настоящим штормом. Праведный гнев был лишь фикцией, привычкой, но такой убедительной. Как легко ей отдаваться! Гораздо легче, чем отделять правду от вымысла.

– Люди ищут опеки, покровительства, но тебе это не нужно.

– Я пришел сюда не для того, чтобы стать оружием против Армады.

– А для чего?

Злость исчезла, уступив место опустошенности. Я направлялся в Аш-ти, чтобы закончить начатое и окончательно избавиться от веры, погрузившись в войско тех, кого предали анафеме, или с поражением вернуться назад, в объятия церкви, где каждый четко знает свое место и повинуетя чужой воле.

– Я просто не хочу этого знать, не хочу ничего больше слышать... У всех есть предел. Это чересчур, Кари. Я был готов ко многому, когда отправлялся в путь. Но я не хочу верить в то, что мой Бог – это механизм, выдумка ради поддержания власти. Не хочу видеть такое огромное зло... Не уверен, что способен с ним совладать.

– Не хочешь видеть зло? – Поза Кари изменилась.

Она допила напиток, поставила стакан и сделала жест, после которого люди Каина скрутили меня.

– Что ж, это легко устроить.

Еретичка достала из-за голенища сапога нож, сняла стеклянный колпак лампы и начала раскалять лезвие в открывшемся язычке огня. Лицо ожесточилось, глаза потемнели.

– Что вы собираетесь делать?

– Держите голову крепче.

Прежде чем я успел понять, как избежать наказания, Каин стиснул мою голову так, что я не мог ею пошевелить.

– Каин, не надо!

– Зло нельзя игнорировать, нельзя на него не смотреть. Оно не создано демонами и не пришло извне. Оно – следствие наших и чужих поступков и слабостей, а потому существует и будет существовать всегда, если только сама природа людей не изменится. Так что единственная возможность не видеть зла – выколоть глаза, Дрейк.

Лезвие приближалось к глазу, я чувствовал его жар и бился, но против троих я был бессилен. Кто-то силой разжимал мои веки.

– Не надо... Я понял, отпустите... – хрипел я, но Кари вонзила раскаленный нож прямо в незащитное глазное яблоко.

Оно лопнуло, и я потерял сознание, а когда очнулся, то оказался в горячей адской болью тьме.

– Ну что, Дрейк? – Голос Кари звучал устало. – Теперь ты не видишь зла, как хотел. Но ты все равно его чувствуешь, правда?

Я вопил как ошпаренный, кидался в темноту, надеясь найти эту женщину и задушить, но только падал на холодный паркет.

– Убежать нельзя, можно либо стараться уменьшить количество зла, либо умереть.

– Он был орудием церкви. Ты ждешь от парня слишком многого, – сказал Каин.

– Пребывать в иллюзиях сладко, тепло. Верить, что тебя кто-то когда-то вознаградит, ждать спасения от других, – продолжила Кари. – Но подумай, насколько ужасна покорность лжецам, если вознаграждение вымышленное. Если нет никакой небесной расплаты точно так же, как нет никаких святых Бога-отца. Что же ты тогда будешь делать, слепой дурак?

– Катись к дьяволу, там тебе самое место! Я видел много таких «учителей»... – Я то ли засмеялся, то ли заплакал. – Ты хуже их всех, ты хуже всех...

Оскорбления и угрозы били из меня, пока тело окончательно не обессилело и не осело на пол, пугливо ощупывая дерево дрожащими пальцами. Тогда Кари подошла и опустилась рядом.

– Что ты делаешь? Это еще одна пытка?

– Прости, Дрейк.

Ее пальцы раскалились, словно угли. Это было так знакомо, но я больше не мог спрашивать руки о правде, а Кари пылала, внутренний огонь прожигал плоть. Ладони легли на мои раны. Желание отомстить истощилось – невозможно повернуть вспять сделанное, я искал в глубине души остатки достоинства. Но взамен ощутил дрожь, бесконечный восторг, освобождение, чужое сожаление, провалился в горячечный экстаз, а когда вынырнул из него, то лежал на коленях у Кари, на ее мужских штанах, которые так ненавидел. Они были коричневыми, из грубой ребристой ткани. Пальцы чужой ладони касались щеки.

Я снова видел. Кари исцелила меня.

Глава 6

Алое солнце греха

Переливы колоколов ворвались в открытое окно вместе с ветром, отбросившим волосы с лица Епифании. Воздух казался таким же звонким и хрупким, как этот звук. С каждой секундой молчания Совета Тристан чувствовал, как план из безумного превращается в осуществимый. Тишина скрывала повороты внутренних колес, перемещения чаш весов, сложный анализ, происходящий в головах пастырей. Многие из них считали нападение на еретиков верным решением, но подчинялись мудрости и высокому положению Силье. Теперь же, когда его решения оспаривал кто-то другой, пастыри были не прочь посмотреть, во что выльется спор.

Дева-инквизитор улыбнулась королю – триумфально, как будто тот уже победил, и Терновник невольно ответил ей. Король внезапно понял, что Силье будет вынужден принять вызов, а он сам вполне может одержать верх – ожесточенные тренировки с Далом Рионом не прошли зря, а Силье постарел. Божий суд, когда правота соперников решается поединком, не был официально отменен, но к нему давно никто не прибегал, так как существовал суд инквизиторов. Зачем рисковать собой, когда есть люди, знающие правду?

– Вы всего лишь запутавшееся дитя, Тристан. Кроме того, вы многого не знаете о мире, в котором мы пребываем. – Силье не стал ждать решения Совета, доставая меч из ножен. – Ваши решения продиктованы не заботой о Лурде, а желанием разрешить собственные противоречия. Еще не поздно остановиться.

– Если я не прав, я паду в этом круге. – Тристан пожал плечами. – Все справедливо.

– Благословляю вас, братья мои. Да будет разрешен этот спор в соответствии с заветами Бога-отца, – прошепел пастырь Вик.

Силье не слишком рассчитывал на поддержку пастырей, поэтому вероломство Вика, согласившегося на провокацию, его не взволновало. Лорд-инквизитор начал разминку. Он не любил тратить время зря.

Епифания двинулась прочь, освобождая круг. В каждом ее движении заключалась гармония, тщательно созданная с помощью воли, умения играть чужими ожиданиями и собственной красоты. Никто в зале не сочувствовал Терновнику, кроме нее, и это тронуло короля. Пусть сочувствие не было бескорыстным, все же оно оставалось настоящим. Его мир был бесцветен, полон вины и устрашающих приступов, а сейчас он впервые ощутил себя рыцарем, которого провожает на бой чистая дева. Акира, столь же чужой здесь, как и она, подал Епифании руку.

Противники встали друг против друга, заключенные в мозаичный круг. Терновник снял мантию, чтобы она не мешала, сделал несколько движений, заново привыкая к мечу. Лорд-инквизитор Силье также скинул верхнее облачение, оставшись в обычной одежде воина: высокий пост ничуть не повлиял на его готовность сразиться. Ему было около пятидесяти пяти, но он вел строгий образ жизни и ежедневно тренировался, как и полагалось инквизитору. Церковник такого ранга должен обладать и другими способностями, о которых рядовым людям знать необязательно. Король ощущал ледяную уверенность, струящуюся от плотной фигуры этого могущественного человека.

[Купить полную версию книги](#)